

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.029-039

М. С. Косырева*

Трансформация публично-правового обеспечения информационного суверенитета Российской Федерации

Аннотация. Статья посвящена особенностям и основным характеристикам трансформации публично-правового обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве. На основе рассмотрения базовых моделей регулирования отношений в киберпространстве обоснована тенденция к суверенизации. Сделан вывод о влиянии суверенизации на трансформацию публично-правового обеспечения информационного суверенитета Российской Федерации. Раскрыты основные подходы к определению содержания государственного суверенитета в информационном пространстве. Проанализирована трансформация конституционно-правовых основ информационного суверенитета в связи с внесением поправок в Конституцию РФ. Обозначены основные направления преобразования публично-правового обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве в документах стратегического планирования. Отмечены расширение и детализация положений данных документов на основе правового регулирования базовых групп общественных отношений, составляющих предмет информационного права, а именно отношений, связанных с использованием информации (информационных ресурсов), информационных технологий и систем.

Ключевые слова: информационный суверенитет; публично-правовое обеспечение; информационное пространство; киберпространство; суверенизация; информационно-коммуникационные технологии; юрисдикция; информационная безопасность; суверенитет; цифровизация.

Для цитирования: Косырева М. С. Трансформация публично-правового обеспечения информационного суверенитета Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 11. — С. 29–39. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.029-039.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00764.

© Косырева М. С., 2025

* Косырева Мария Сергеевна, ассистент кафедры административного права и процесса имени Л.Л. Попова Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
mariya.s.krylova@gmail.com

Transformation of the Public-Law Framework for Ensuring the Information Sovereignty of the Russian Federation

Mariya S. Kosyreva, Lecturer, Department of Administrative Law and Procedure named after L.L. Popov, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
mariya.s.krylova@gmail.com

Abstract. The paper is devoted to the analysis of specific features and key characteristics of the transformation of public-law support for the state sovereignty of the Russian Federation in the information space. Based on an examination of fundamental models for regulating relations in cyberspace, the author substantiates the development of a trend toward sovereignization. A conclusion is drawn regarding the influence of the sovereignization trend on the transformation of public-law support for the information sovereignty of the Russian Federation. The paper describes the main approaches to defining the content of state sovereignty in the information space. The transformation of the constitutional and legal foundations of information sovereignty in connection with amendments to the Constitution of the Russian Federation is analyzed. The author identifies the principal directions of transformation of public-law support for state sovereignty of the Russian Federation in the information space as reflected in strategic planning documents. Attention is given to the expansion and specification of provisions in strategic planning documents based on the legal regulation of core groups of social relations that form the subject matter of information law, namely relations connected with the use of information (information resources), information technologies, and information systems.

Keywords: Information sovereignty; public-law support; information space; cyberspace; sovereignization; information and communication technologies; jurisdiction; information security; sovereignty; digitalization.

Cite as: Kosyreva MS. Transformation of the Public-Law Framework for Ensuring the Information Sovereignty of the Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(11):29-39. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.029-039.

Acknowledgements. The study was funded by a grant from the Russian Science Foundation; project No. 24-18-00764.

Введение

В современных реалиях развития информационно-коммуникационных технологий суверенитет в информационном пространстве становится одной из основных составляющих внутреннего государственного суверенитета. Это обусловлено несколькими факторами. Так, с развитием технологий расширяются возможности их функционального применения, а также растет количество пользователей таких технологий; кроме того, трансграничный характер киберпространства усложняет осуществление государством правового регулирования соответствующих общественных отношений. Данные факторы провоцируют риски для государственного суверенитета в информационном пространстве, т.к. позволяют оказывать неблагоприятное воз-

действие как на широкие слои населения, так и на государство в целом. Это приводит к тому, что в настоящее время наблюдаемая во всем мире тенденция к суверенизации правового регулирования киберпространства проявляется в трансформации государствами публично-правового обеспечения информационного суверенитета.

В отношении Российской Федерации данные закономерности осложняются текущей геополитической ситуацией, в рамках которой киберпространство может использоваться недружественными государствами для нанесения ущерба государственному суверенитету России, в том числе путем проведения психологических и когнитивных операций. В подобных условиях развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от

деструктивного информационно-психологического воздействия признаются ключевым национальным интересом России в информационной сфере¹.

Суверенизация правового регулирования киберпространства

Специфичность киберпространства, являющегося значимой частью информационного пространства, оказывает существенное влияние на публично-правовое обеспечение внутреннего государственного суверенитета. Так, трансформация обеспечения органами публичной власти информационного суверенитета России напрямую связана с тенденцией к смещению правового регулирования отношений в киберпространстве к внутригосударственному регулированию.

В целом по мере развития цифровых технологий и их внедрения в различные области государственной и общественной жизни происходит закономерное изменение концептуальных подходов к правовому регулированию киберпространства. Среди них наиболее популярны в научной литературе три регуляторные модели: саморегулирования (самоуправления), государственного регулирования, международно-правового регулирования².

В соответствии с основанной на принципе невмешательства моделью саморегулирования и

самоуправления в киберпространстве (одним из радикальных обоснований этой теории можно считать утопическую нигилистическую концепцию относительной автономии киберпространства Дж. Барлоу³) сеть Интернет выступает как «отдельная форма бытия суверенных цифровых виртуальных личностей, вне юрисдикции государств и правительств»⁴. Ввиду этого данная модель предполагает невозможность установления в киберпространстве государственного суверенитета.

В то же время модель государственного регулирования предполагает, что функцию регулирования киберпространства берет на себя государство, обеспечивая безопасность, стабильность и развитие цифровой среды⁵. Закономерно, что данная модель наиболее взаимосвязана с публично-правовым обеспечением государственного суверенитета, т.к. она реализуется в границах определенного государства.

Международно-правовой подход, в свою очередь, основываясь на глобальной природе компьютерной сети Интернет, постулирует необходимость ее регулирования посредством международного права⁶. Эту точку зрения поддерживают и ученые, рассматривающие глобальное информационное пространство как сферу реализации права на информацию и других международно-признанных прав и свобод человека, обосновывая тем самым режим

¹ См.: пп. 4 п. 25 Указа Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

² См. подробнее: *Mayer-Schönberger V. The Shape of Governance: Analyzing the World of Internet Regulation* // *Virginia Journal of International Law*. 2002–2003. Vol. 43. P. 605–673.

³ *Barlow J. P. A Declaration of the Independence of Cyberspace*. 1996 // URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (дата обращения: 15.03.2025).

⁴ *Еникеев Б. Н. Размышляя о цифровизации (между анамнезом и эпикризом)* // Информационное общество: пределы и риски — прошлое, настоящее, будущее : материалы V Международной научной конференции «Гуманитарные Губкинские чтения» (Москва, 3 апреля 2020 г.) / отв. ред. О. М. Смирнова ; ред.: М. Б. Балычева, Н. П. Рябчун. М. : Издательский центр РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, 2020. Ч. 1. С. 19.

⁵ См. в контексте адаптации государства к технологическим изменениям реальности: *Талапина Э. В. Права человека и цифровой суверенитет* // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2020. № 6. С. 10–15.

⁶ *Mayer-Schönberger V. The Shape of Governance: Analyzing the World of Internet Regulation* // *Virginia Journal of International Law*. 2002–2003. Vol. 43. P. 605–673.

такого пространства в качестве объекта международно-правового регулирования⁷.

На практике данные регуляторные модели не существуют изолированно друг от друга и, как правило, применяются не обособленно, а одновременно, в определенном сочетании. На фоне развития информационно-коммуникационных технологий и цифровой трансформации общества происходит всё большее ограничение практической применимости классической интерпретации модели саморегулирования киберпространства, популярной на заре распространения интернет-технологий. В то же время получившие распространение в конце XX — начале XXI в. глобализационные подходы, которые закономерно были связаны с усилением международно-правового регулирования, в настоящее время сменяются возвратом к национально-правовому (внутригосударственному) регулированию⁸. Таким образом, одним из проявлений отмечаемой учеными тенденции к суверенизации (постсуверенизации)⁹, пришедшей на смену противоположному, характерному для глобализации процессу — десуверенизации, является смещение регулирования киберпространства к традиционной внутригосударственной модели.

Содержание государственного суверенитета в информационном пространстве

Можно в полной мере поддержать А. А. Ефремова, который, анализируя содержание инфор-

мационного суверенитета в источниках российской юридической доктрины, выделяет два подхода к его пониманию: юрисдикционный, основанный на определении юрисдикции государственных органов в отношении субъектов и объектов информационных отношений, а также технократический подход, который базируется на определении угроз государственному суверенитету Российской Федерации через угрозы информационной безопасности¹⁰.

Категория юрисдикции государства в информационном пространстве тесно связана с территориальным аспектом государственного суверенитета ввиду виртуальной природы киберпространства. Как отмечает Л. В. Терентьева, «одним из серьезных информационных вызовов стало противоречие между трансграничным характером киберпространства, с одной стороны, а с другой — обладающими территориальными параметрами категориями суверенитета и юрисдикции государства, которые реализуются в пределах государственных границ»¹¹. Это предполагает возможность расширения понятия территории государства путем условного включения в него новых пространственных единиц, в том числе киберпространства. Следовательно, для киберпространства всецело справедлив тезис об осуществлении государством в пределах своей территории и в сфере действия своего суверенитета полной юрисдикции, исключая деятельность публичной власти другого государства¹².

⁷ Савельев Д. А. Права человека в области информации: международно-правовые аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. С. 7–8.

⁸ Ефремов А. А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 202.

⁹ См., например: Ефремов А. А. Информационно-правовой механизм обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. С. 13 ; Шлычков В. В., Батайкин П. А., Нестулаева Д. Р. Суверенизация как механизм эффективного обеспечения экономической безопасности России в условиях усиления геополитической и геоэкономической турбулентностей // Экономика и управление. 2024. Т. 30. № 8. С. 972–986.

¹⁰ Ефремов А. А. Информационно-правовой механизм обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. С. 81.

¹¹ Терентьева Л. В. Территориальный аспект юрисдикции и суверенитета государства в киберпространстве // Lex russica. 2019. № 4 (149). С. 140.

¹² Терентьева Л. В. Указ. соч. С. 147.

Основой технократического подхода к пониманию содержания информационного суверенитета Российской Федерации является категория информационной безопасности, под которой подразумевается «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства»¹³.

В этом направлении также прослеживается важность территориального аспекта, ведь неблагоприятное информационное воздействие может осуществляться трансгранично, зачастую скрытно, не требуя тщательной подготовки. Данные характеристики оказывают влияние на традиционное понимание государственных границ. Кроме этого, возможность эффективного противодействия подобной форме агрессии также имеет ограничение, обусловленное тем, что жертвы атаки могут не осознавать, что находятся под информационным ударом¹⁴. Специфичность подобных угроз требует разработки комплексных мер юридической регуляции, что придает информационной безопасности критическое значение для обеспечения суверенитета государства в информационном пространстве.

Трансформация конституционно-правовых основ государственного суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве

В соответствии со ст. 3, 4, 5, 67 и 79 Конституции РФ¹⁵ государственный суверенитет распространяется на всю территорию России и заключается в самостоятельности, независимости и верховенстве государственной власти, полноте законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории и независимости в международном общении, а также представляет собой необходимый качественный признак Российской Федерации как государства, характеризующий ее конституционно-правовой статус¹⁶.

Благодаря конституционным поправкам 2020 г. были расширены конституционно-правовые основы обеспечения внутреннего государственного суверенитета. Например, появилось новое положение об обеспечении Российской Федерацией защиты своего суверенитета¹⁷, дополняющее часть 2 ст. 80 Конституции РФ, согласно которой к полномочиям Президента РФ относится принятие мер по охране суверенитета. Кроме того, к элементам конституционно-правового механизма обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации можно причислить введение запрета на вмешательство во внутренние дела государства («Российская Федерация принимает меры по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению мирного

¹³ Пп. «в» п. 2 Указа Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

¹⁴ См.: Государство, общество и личность: пути преодоления вызовов и угроз в информационной сфере : монография / отв. ред. Л. К. Терещенко. М. : Инфотропик Медиа, 2024.

¹⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 04.07.2020.

¹⁶ См.: п. 2.1 постановления Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2000. № 25. Ст. 2728.

¹⁷ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

сосуществования государств и народов, недопущению вмешательства во внутренние дела государства»¹⁸).

Несмотря на то что Конституция РФ не содержит прямых упоминаний информационного пространства, многие нововведения, посвященные суверенитету, имеют непосредственную смысловую связь с данной областью. В частности, получила развитие норма о защите территориальной целостности России, в рамках которой теперь на конституционном уровне установлен запрет на призывы к действиям, направленным на нарушение территориальной целостности России («Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности. Действия... направленные на отчуждение части территории Российской Федерации, а также призывы к таким действиям не допускаются»¹⁹). Также можно отметить положения о защите исторической правды («Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается»²⁰), о сохранении исторических традиций и единства («Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохра-

няя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство»²¹), о развитии и воспитании детей («Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим»²²). В реализации всех указанных направлений значим информационный фактор.

Усиление тенденции к суверенизации, наблюдаемое в России в условиях новых вызовов и угроз, выражается также в развитии нормы о преваливании Конституции РФ над истолкованными в противоречии с ней решениями межгосударственных органов²³. И. Н. Барциц трактует данное уточнение ст. 79 Конституции РФ как меру самозащиты российской правовой системы, принятую в условиях ряда решений международных судебных инстанций, продиктованных антироссийскими политическими интересами²⁴, в том числе в случаях искаженного истолкования общепризнанных прав и свобод человека в информационной сфере²⁵. Несмотря на выход Российской Федерации из Совета Европы в 2022 г. и, соответственно,

¹⁸ Ст. 79.1 Конституции РФ.

¹⁹ Ч. 2.1 ст. 67 Конституции РФ.

²⁰ Ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ.

²¹ Ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ.

²² Ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ.

²³ См.: ст. 79 Конституции РФ ; постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”, пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона “О международных договорах Российской Федерации”, частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. 2015. № 30. Ст. 4658.

²⁴ Барциц И. Н. Переосмысление соотношения международного и национального права на рубеже эпох (о поправке в статью 79 Конституции Российской Федерации) // Государственная служба. 2020. № 1. С. 40.

²⁵ См., например: постановления Европейского суда по правам человека от 29.06.2021 по делу «Ежов и другие против Российской Федерации» (жалоба № 22051/05) ; от 04.07.2023 по делу «Николай Глухин против России» (жалоба № 11519/20).

из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека, вышерассмотренная норма упрочила фундамент конституционной идентичности России и обеспечения ее суверенитета.

Трансформация публично-правового обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве в документах стратегического планирования

Основные направления публично-правового обеспечения информационного суверенитета Российской Федерации корреспондируют базовым группам общественных отношений, составляющих предмет информационного права, а именно отношениям, связанным с использованием информации (информационных ресурсов), информационных технологий и информационных систем. При этом проявляется тесная связь публично-правового обеспечения информационного суверенитета с категориями юрисдикции государства и информационной безопасности. Рассматривая в качестве примера указанной закономерности документы стратегического планирования, можно отметить, что, например, в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. обозначена необходимость формирования информационного пространства знаний, предполагающего, в частности:

— обеспечение прав граждан на объективную, достоверную, безопасную информацию и создание условий для удовлетворения их потребностей в постоянном развитии, расширении кругозора, получении качественной информации и новых компетенций;

— создание российских информационно-коммуникационных технологий, для того чтобы Российская Федерация и ее граждане могли получить новые технологические преимущества,

иметь доступ к информации, использовать и обрабатывать ее, приобретать знания, формировать новые рынки и обеспечивать на них свое лидерство;

— развитие информационной и коммуникационной инфраструктуры Российской Федерации, для того чтобы граждане, организации, органы публичной власти России могли иметь свободный доступ к информации на всех этапах ее создания и распространения²⁶.

Кроме того, трансформацию публично-правового обеспечения информационного суверенитета Российской Федерации в документах стратегического планирования иллюстрирует обновленная Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Если сравнить действующую Стратегию 2021 г. с предыдущей, принятой в 2015 г., то можно заметить кратное увеличение количества положений, затрагивающих обеспечение информационного суверенитета, их расширение и детализацию, выделение в разделе IV, посвященном обеспечению национальной безопасности, обширного блока «Информационная безопасность»²⁷.

В качестве национального интереса Стратегия определяет не просто развитие информационного пространства, но его развитие на началах безопасности, в том числе защиту от деструктивного психологического воздействия на российское общество посредством информационно-коммуникационных технологий. Фундаментальное значение информационной безопасности также подтверждается ее включением в перечень стратегических национальных приоритетов России. В свою очередь, целью обеспечения информационной безопасности согласно Стратегии выступает укрепление суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве²⁸.

В обновленной Стратегии также указывается на увеличение вероятности возникновения угроз безопасности российского общества в ин-

²⁶ См.: п. 24, 35, 27 Указа Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

²⁷ См.: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212 ; Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400.

²⁸ См.: пп. 4 п. 25, п. 26, 56 Указа Президента РФ от 02.07.2021 № 400.

формационном пространстве. Это происходит в условиях поступательного развития информационно-коммуникационных технологий, всё чаще используемых для вмешательства во внутренние дела Российской Федерации с целью подрыва ее государственного суверенитета. В Стратегии предлагается путем реализации государственной политики в информационной сфере противодействовать обозначенным угрозам, обеспечивая информационную безопасность, в том числе в национальном сегменте сети Интернет, что иллюстрирует связь технократического и юрисдикционного подходов к определению содержания информационного суверенитета²⁹.

Документом стратегического планирования, призванным развить положения Стратегии национальной безопасности в информационной сфере, является Доктрина информационной безопасности³⁰. Однако действующая Доктрина была утверждена в 2016 г. и в значительной степени устарела, особенно с учетом динамичности развития сферы информационно-коммуникационных технологий, а также новых угроз информационной безопасности, возникших перед Российской Федерацией в текущей геополитической обстановке.

Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации, утвержденная в 2024 г.³¹, также показывает тесную взаимосвязь категорий информационного суверенитета и информационной безопасности. В частности, Стратегия обозначает опасность использования экстремистскими и иными антиобщественными организациями современных информационно-коммуникационных технологий. Для привлечения новых членов в свои ряды, а также для организации и координации преступной деятельности данные организации прибегают к сетевым, мультимедийным технологиям. Кроме того, онлайн-технологии применяются такими

организациями антиобщественной направленности для распространения экстремистской идеологии и финансирования своей преступной деятельности.

Немаловажным направлением дестабилизации общественно-политической и социально-экономической обстановки в Российской Федерации выступает использование информационных технологий для деструктивного психологического воздействия на российское население, в частности на молодежь. При этом указанная деятельность нередко осуществляется спецслужбами иностранных государств в рамках психологических и когнитивных операций против населения Российской Федерации. С учетом увеличения масштаба подобных информационных угроз перечень направлений государственной политики в сфере противодействия экстремизму, реализуемых именно в информационном пространстве, был в значительной степени расширен³². Смещение военных угроз в информационное пространство и внутреннюю сферу государства отмечается также и в Военной доктрине Российской Федерации³³.

В свою очередь, стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий приводит к возрастанию значения уровня технологического развития государства как основополагающего фактора обеспечения информационного суверенитета. Так, Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации определяет в качестве одного из приоритетов получение научных и научно-технических результатов, создание отечественных наукоемких технологий, обеспечивающих противодействие различного вида угрозам, в том числе деструктивному иностранному информационно-психологическому воздействию, киберугрозам, и иным источникам опасности для общества, экономики и государства, укреп-

²⁹ См.: пп. 4 п. 48, п. 49, 56, пп. 5 п. 57 Указа Президента РФ от 02.07.2021 № 400.

³⁰ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646.

³¹ Указ Президента РФ от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 53 (ч. I). Ст. 8669.

³² См.: п. 18, 21, 29, 36 Указа Президента РФ от 28.12.2024 № 1124.

³³ См.: п. 11 Военной доктрины Российской Федерации, утв. Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр-2976 // Российская газета. 2014. № 298.

ление обороноспособности и национальной безопасности страны в условиях роста гибридных угроз³⁴. При этом Концепция технологического развития на период до 2030 г. акцентирует внимание на таких ключевых целях развития технологий, как способность воспроизводства на национальном уровне критических и сквозных технологий, переориентирование экономического роста на инновационную составляющую, обеспечение устойчивости отечественных производственных систем. Для претворения в жизнь указанных целей технологического развития необходима организация в Российской Федерации полного инновационного цикла, который должен осуществляться на основе российских линий разработки технологий. Это требует комплексной и системной реализации приоритетных проектов, направленных на обеспечение технологического суверенитета в основных отраслях экономики³⁵. Данные положения выделяют технологическое развитие России как одну из гарантий ее государственного суверенитета, в том числе в информационном пространстве.

Кроме того, необходимость технологической независимости отечественной информационной инфраструктуры отмечается в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. Стратегия постулирует важность отечественных технологических разработок, на основе которых должна быть выстроена конкурентоспособная информационно-телекоммуникационная инфраструктура. Кроме того, указывается на необходимость обеспечения информационной безопасности, обусловленную усилением военно-политического давления на Российскую Федерацию со стороны недружественных государств. Прежде всего это относится к территориям, граничащим с недружествен-

ными государствами, где требуется обеспечить условия социально-экономического развития и качество жизни, способствующие сохранению населения³⁶.

В силу широкого распространения и возрастающего значения информационно-коммуникационных технологий в современном обществе проявления трансформации публично-правового обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве в документах стратегического планирования не ограничиваются приведенными примерами. Однако они в достаточной мере иллюстрируют тенденцию к суверенизации соответствующих процессов, расширению и детализации направлений юридической регуляции, определяемых субъектами публичного управления для достижения государственного суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве.

Заключение

В трансформации публично-правового обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве находит отражение общемировая тенденция к суверенизации правового регулирования киберпространства, на фоне которой снижается применение таких преваляровавших ранее регуляторных моделей, как саморегулирование и международно-правовое регулирование. В России необходимость данного преобразования подкрепляется новыми вызовами и угрозами, стоящими перед страной в современных геополитических условиях.

Основой рассматриваемых трансформационных процессов являются расширение и детализация положений об информационном

³⁴ См.: пп. «ж» п. 15, пп. «д» п. 21 Указа Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 10. Ст. 1373.

³⁵ См.: ч. 2 разд. IV, разд. VIII распоряжения Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2023. № 22. Ст. 3964.

³⁶ См.: разд. IV, VIII распоряжения Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» // СЗ РФ. 2025. № 2. Ст. 74.

суверенитете в плоскостях юрисдикции государства и информационной безопасности. Немаловажное значение для усиления правового обеспечения государственного суверенитета в информационном пространстве имела конституционная реформа благодаря укреплению конституционно-правового фундамента внутреннего государственного суверенитета. При этом широкий массив документов стратегиче-

ского планирования иллюстрирует ключевые направления развития правовой и институциональной основ обеспечения информационного суверенитета, которые корреспондируют базовым составляющим предмета информационного права: общественным отношениям, складывающимся в области оборота информации (информационных ресурсов), использования информационных технологий и систем.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Барциц И. Н. Переосмысление соотношения международного и национального права на рубеже эпох (о поправке в статью 79 Конституции Российской Федерации) // Государственная служба. — 2020. — № 1. — С. 33–42.
2. Государство, общество и личность: пути преодоления вызовов и угроз в информационной сфере : монография / Н. С. Волкова, А. А. Ефремов, С. М. Зырянов [и др.] ; отв. ред. Л. К. Терещенко. — М. : Инфотропик Медиа, 2024. — 352 с.
3. Еникеев Б. Н. Размышляя о цифровизации (между анамнезом и эпикризом) // Информационное общество: пределы и риски — прошлое, настоящее, будущее : материалы V Международной научной конференции «Гуманитарные Губкинские чтения» (Москва, 3 апреля 2020 г.). Ч. 1 / отв. ред. О. М. Смирнова ; ред.: М. Б. Балычева, Н. П. Рябчун. — М. : Издательский центр РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, 2020. — 429 с.
4. Ефремов А. А. Информационно-правовой механизм обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2020. — 418 с.
5. Ефремов А. А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2017. — № 1. — С. 201–215.
6. Савельев Д. А. Права человека в области информации: международно-правовые аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2002. — 21 с.
7. Талапина Э. В. Права человека и цифровой суверенитет // Государственная власть и местное самоуправление. — 2020. — № 6. — С. 10–15.
8. Терентьева Л. В. Территориальный аспект юрисдикции и суверенитета государства в киберпространстве // Lex russica. — 2019. — № 4 (149). — С. 139–150.
9. Шлычков В. В., Батайкин П. А., Нестулаева Д. П. Суверенизация как механизм эффективного обеспечения экономической безопасности России в условиях усиления геополитической и геоэкономической турбулентностей // Экономика и управление. — 2024. — Т. 30. — № 8. — С. 972–986.
10. Mayer-Schönberger V. The Shape of Governance: Analyzing the World of Internet Regulation // Virginia Journal of International Law. — 2002–2003. — Vol. 43. — P. 605–673.

Материал поступил в редакцию 19 октября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bartsits I. N. Pereosmyslenie sootnosheniya mezhdunarodnogo i natsionalnogo prava na rubezhe epoch (o popravke v statyu 79 Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii) // Gosudarstvennaya sluzhba. — 2020. — № 1. — S. 33–42.

2. Gosudarstvo, obshchestvo i lichnost: puti preodoleniya vyzovov i ugroz v informatsionnoy sfere: monografiya / N. S. Volkova, A. A. Efremov, S. M. Zyryanov [i dr.]; otv. red. L. K. Tereshchenko. — M.: Infotropik Media, 2024. — 352 s.
3. Enikeev B. N. Razmyshlyaya o tsifrovizatsii (mezhdru anamnezom i epikrizom) // Informatsionnoe obshchestvo: predely i riski — proshloe, nastoyashchee, budushchee: materialy V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Gumanitarnye Gubkinskie chteniya» (Moskva, 3 aprelya 2020 g.). Ch. 1 / otv. red. O. M. Smirnova; red.: M. B. Balycheva, N. P. Ryabchun. — M.: Izdatelskiy tsentr RGU nefti i gaza (NIU) imeni I.M. Gubkina, 2020. — 429 s.
4. Efremov A. A. Informatsionno-pravovoy mekhanizm obespecheniya gosudarstvennogo suvereniteta Rossiyskoy Federatsii: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2020. — 418 s.
5. Efremov A. A. Formirovanie kontseptsii informatsionnogo suvereniteta gosudarstva // Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki. — 2017. — № 1. — S. 201–215.
6. Savelev D. A. Prava cheloveka v oblasti informatsii: mezhdunarodno-pravovye aspekty: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — SPb., 2002. — 21 s.
7. Talapina E. V. Prava cheloveka i tsifrovoy suverenitet // Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie. — 2020. — № 6. — S. 10–15.
8. Terenteva L. V. Territorialnyy aspekt yurisdiktsii i suvereniteta gosudarstva v kiberprostranstve // Lex russica. — 2019. — № 4 (149). — S. 139–150.
9. Shlychkov V. V., Bataykin P. A., Nestulaeva D. R. Suverenizatsiya kak mekhanizm effektivnogo obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii v usloviyakh usileniya geopoliticheskoy i geoekonomicheskoy turbulentnostey // Ekonomika i upravlenie. — 2024. — T. 30. — № 8. — S. 972–986.
10. Mayer-Schönberger V. The Shape of Governance: Analyzing the World of Internet Regulation // Virginia Journal of International Law. — 2002–2003. — Vol. 43. — P. 605–673.